

**Переписка А. Н. Баранова и К. А. Степаняна о
«Гамлете» У. Шекспира (апрель — май 2018 г.)**

Источник: Переписка А. Н. Баранова и К. А. Степаняна о «Гамлете» У. Шекспира (апрель — май 2018 г.) / А. Н. Баранов, К. А. Степанян [Электронный ресурс] // Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир». 2020. URL: <http://rus-shake.ru/criticism/letters/Baranov-Stepanyan-Hamlet-2018/> (дата обращения: дд.мм.гггг).

=====

Перед вами переписка, один из участников которой, к сожалению, умер в том же 2018 году, к какому она относится. Авторы писем — поэт-переводчик [Александр Николаевич Баранов](#) и литературовед [Карен Ашотович Степанян](#) (1952–2018) — не были знакомы лично. Спор идет о «Гамлете», но по сути разворачивается важная дискуссия о методах истолкования литературных и, в частности, драматических произведений. Можно надеяться, что именно это, а не детали пьесы или борьба частных мнений, аргументов и самолюбий составит интерес и оправдание данной публикации. В письмах исправлено несколько очевидных опечаток (вроде случайного «Галмет», вместо «Гамлет»), в остальном текст дается без изменений. В начальном письме упомянута конференция, проходившая в Российском государственном гуманитарном университете в Москве.

=====

А. Н. Баранов — К. А. Степаняну. 26 апреля 2018 г.

Уважаемый Карен Ашотович,

В прошлую среду (18 апреля) на конференции «Как издавать Шекспира» я сидел рядом с Д. А. Ивановым, попросил у него посмотреть Вашу книгу «Шекспир, Бахтин и Достоевский» (к сожалению, не читал) — и случайно наткнулся на место, в котором Вы полемизируете с моей статьей «“Гамлет” Шекспира и Библия».

Боюсь, что Вы не очень внимательно читали статью (иначе не приписали бы мне слов В. С. Библера, с которыми я, впрочем, согласен) и неверно излагаете ее смысл. Я не считаю себя непогрешимым, и я не против полемики, но мне кажется, она была бы плодотворней, если бы Вы показали, в чём мой метод истолкования пьесы на основе анализа ее драматургической природы и конкретных художественных приёмов Шекспира неудачен (в целом или в частностях) или где я погрешил против библейских текстов и их богословских толкований, и потому такие-то мои выводы не верны. Но Вы этим

не интересуетесь, а вынимаете мысли из контекста и судите о них с каких-то абстрактных позиций.

Прав я в своей статье или не прав, не так уж важно, предмет спора — не я. Хуже, что Вы, по-моему, читаете не пьесу Шекспира, а какую-то другую. Может быть, впечатления от каких-либо постановок так на Вас повлияли?

К примеру, откуда Вы взяли, что Фортинбрас кровожаден? В пьесе он *a delicate and tender prince*; [/] *Of unimproved mettle hot and full*; он не прирезал своего дядю и не сел на его трон, а послушен ему; не захватывал Данию в нарушение договора, а соблюдал его; не пошёл завоёвывать всю Польшу, а удовлетворился ничтожным спорным участком, потому что этот спор был для него вопросом чести (*honour*), и преспокойно возвращается с этой мелкой победой. Это всё, что о нем известно. А кровожадность — это Ваш домысел. Если же домысливать, то почему бы и не наоборот? Например, так: молодой принц по недомыслию мечтал о битвах, подвигах и славе, а увидев кровь, навек зарёкся впредь воевать. А, может быть, и пороху даже не понюхал, одержав победу без боя ввиду явного численного превосходства? Такие фантазии даже несколько правдоподобнее Ваших, учитывая сказанное о Фортинбрасе выше. Но у Шекспира ничего о ходе сражения не сказано, как и о кровожадности Фортинбраса, а потому следует оставить то и другое в стороне.

Примерно так же Вы фантазируете и о Гамлете и Клавдии. Хотя нет! не просто беспочвенно, но даже не считаясь с конкретными указаниями текста. Больше всего меня поразило Ваше удивление, как это Гамлет посмел казнить Клавдия без суда. — А как Вам кажется, может ли организовать судебное заседание человек, которого загнали, как зверя, и жить ему осталось две минуты? Да и кто будет судить? озрики? Разве не ясно, что Гамлета же они и осудили бы в итоге? Неужто Вы забыли даже сюжет пьесы? Притом разве только что не прозвучало в этой сцене веское свидетельство Лаэрта против Клавдия? И Вам нужны еще другие доказательства, что Клавдий преступник? И разве сам он не признаёт наедине с собой, что убил брата? И всё-таки, по Вашему, зло сеет не он, а Гамлет, и все трупы в пьесе Вы ставите в вину именно Гамлету. Странно...

Я сознаю, что главный предмет Вашего интереса — Достоевский, а он мог иначе понимать Шекспира, чем это желательно от современного филолога. Но, насколько я знаю, люди XIX века тоже не склонны были судить о Гамлете так, как Вы.

С уважением,
А. Н. Баранов.

К. А. Степанян — А. Н. Баранову. 27 апреля 2018 г.

Уважаемый Александр Николаевич!

Ваше письмо подтверждает не раз высказывавшееся мнение, что трактовок «Гамлета» столько, сколько читателей его, а также слова У. Х. Одена о том, что «Гамлет» — пьеса с вакантной главной ролью. Вероятно, это и обеспечило — главным образом — шекспировской пьесе бессмертие.

Но поскольку Вы пишете, что я в трактовке «Гамлета» «нафантазировал», позвольте сказать несколько слов в защиту своей позиции.

По порядку.

По словам самого Гамлета, Фортинбрас обрекает на смерть — «ради прихоти и вздорной славы» — двадцать тысяч человек в борьбе за территорию, «где даже негде схоронить убитых». Разве этого мало, чтобы назвать его — не «кровожадным», а, как у меня, «кровопроливцем сознательным»? И тут же Гамлет, после встречи с капитаном войск Фортинбраса, делает вывод: «О мысль моя, отныне ты должна [!] *Кровавой* быть, иль прах тебе цена!».

Все, что Вы пишете далее о возможном будущем Фортинбраса — согласитесь, *Ваше* восприятие этого образа и *Ваши* добавления к Шекспиру, у него о том ничего не сказано.

Что касается главного — противостояния Гамлета и Клавдия, тут, как всегда, проявляется различие мировоззренческих позиций и исследователей, и «простых» читателей. Я трактую это противостояние, хочется думать, «подстоевски», то есть исходя из того, что отвечать злом на зло — всегда губительно, и человек, взявшийся своими силами устанавливать справедливость (в своем понимании), всегда в конечном итоге порождает еще большее зло, нежели то, что намеревался искоренить. Разве не так произошло и в «Гамлете»?

Но может быть и иная точка зрения, условно говоря, «героическая»: человек, когда он видит зло вокруг (согласно своим представлениям), обязан вступить с ним в борьбу. Я не случайно сделал в предыдущем предложении оговорку: часто человек, по несовершенству нашей природы, ошибается в определении зла (не беру те случаи, когда речь идет о защите Отечества, веры, своего дома от очевидного агрессора). Ведь и сам Га[м]лет сомневается, не было ли явление Призрака сатанинским искушением. Затем вроде бы по-

ведение Клавдия во время театрального представления и его монолог в сцене 3 третьего акта доказывает его вину. Но, как следует из этого же монолога, Клавдий был склонен к раскаянию — однако Гамлет, убив Полония, запускает кровавый механизм противоборства (куда в итоге были вовлечены и Лаэрт, и другие), который в конце концов и приводит к трагическому исходу. Я не пишу, что Гамлет должен был организовать суд над королем — но только подчеркиваю, что никаких санкций — ни божественных, ни юридических — на свершение самосуда он не имел, кроме собственного самозванного решения. В этом его трагическая вина, на мой взгляд.

Чтобы еще больше прояснить мою позицию. Десятки тысяч людей в 1917 году были убеждены, что император — преступник, и их обязанность — расправиться с ним. Итог известен. Представьте тоже, что князь Мышкин пошел бы доносить на Рогожина за убийство Настасьи Филипповны или сам решил бы совершить над ним самосуд. Или Алеша Карамазов потребовал бы наказать Илюшу Снегирева, который прокусил ему палец. Но и Алеша, и князь, как Вы знаете, поступают иначе. Гамлет — не князь Мышкин, скажете Вы, и времена тогда были совсем иные. Но времена у нас последние две тысячи лет одни — христианские — и Достоевский, и Шекспир (как я пытаюсь показать в своей книге) помнили об этом всегда.

Мне очень жаль, что я приписал слова Библиера Вам. Если когда-нибудь и где-нибудь этот мой текст будет переиздаваться, непременно исправлю ошибку. Что же касается до рассмотрения Вашего исследовательского метода, я действительно полемизировал не с ним как таковым, а с некоторыми Вашими конкретными выводами. Как показывает Ваше письмо, я в понимании их не ошибся.

Я благодарен Вам за письмо, ибо и по завершении работы над книгой продолжаю думать над всеми этими проблемами, естественно, а полемика в таких случаях полезна. Я по ходу работы полемизировал и с Дмитрием Анатольевичем, и эта полемика очень помогла мне, что я и засвидетельствовал в дарственной надписи ему.

С уважением.

Карен Степанян

А. Н. Баранов — К. А. Степаняну. 28 апреля 2018 г.

Уважаемый Карен Ашотович,

Спасибо за Ваше подробное письмо. Мне хотелось бы ответить Вам столь же подробно, так как есть ещё о чём говорить, но, к сожалению, сегодня не имею времени, а далее 4 дня буду без интернета. Но обязательно отвечу позже.

С уважением, А. Б.

А. Н. Баранов — К. А. Степаняну. 3 мая 2018 г.

Здравствуйтесь, Карен Ашотович. Я Вам обещал подробный ответ — высылаю его [в приложении](#). А. Баранов

Приложение (написано между 28 апреля и 3 мая 2018 г.):

Уважаемый Карен Ашотович!

Вы пишете, что моё письмо «подтверждает не раз высказывавшееся мнение, что трактовок “Гамлета” столько, сколько читателей его, а также слова У. Х. Одена о том, что «“Гамлет” — пьеса с вакантной главной ролью».

Если бы Вы действительно так считали, то должны были бы признавать справедливой (или имеющей право на существование) любую трактовку пьесы и не стали бы полемизировать ни с чьим чужим мнением. Однако Вы поступаете решительно наоборот: настаиваете на справедливости именно своего понимания и неверности моего. Нелогично!

Я не считаю пьесу Шекспира пустой изложницей, в которую можно влить любое содержание. Но и Вы на поверку тоже так не считаете. Вот из этого давайте и будем исходить. Оба мы ищем *верное* толкование.

Чем больше любая вещь на виду, тем заметнее разногласия в мнениях о ней; само по себе это *ее никак не характеризует*, а скорее характеризует высказывающихся по ее поводу людей. («Не только мы читаем книги, но и книги читают нас» — как сказал в послесловии к одному из изданий «Бесов» Достоевского Вл. Н. Захаров. Очень правильная, по-моему, мысль). Мнения людей бывают верными, совершенно неверными, верными в одном, но ошибочными в другом; приближающимися к истине или удаляющимися и т. д. Ибо одни судят «со своей колокольни», «что у кого болит, тот про то и говорит», другие стараются понять автора, третьи смешивают оба подхода...

Я пытался в статье давать подробную аргументацию (может быть, и неверную), Вы — нет. Ваши утверждения либо голословны, мало отличаясь от расхожего «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» или «А я так вижу», либо (там, где Вы пытаетесь все-таки приводить аргументы) прямо противоречат тексту пьесы. По-Вашему, Гамлет совершает «самосуд», решение его «самозванное», и «никаких санкций» он не имел (аккуратно вы-

© Авторы, 2018

© БД «Русский Шекспир», 2020

писываю слова из Вашего письма). Как раз против таких мнений была еще в 1995 г. написана моя статья. Далее Вы в письме достаточно прозрачно проводите аналогию между Гамлетом и большевиками (мысль не новая, я ее слышал еще в 1982 г. от актёра МТЮЗ'а Николая Денисова). Шекспир, разумеется, не имел в виду ни красных, ни белых, как не имел в виду и Раскольникова или упомянутых «Бесов» — но почему бы и не сравнить? Вот только вывод из сравнения у Вас неверен. Если в отношении перечисленных вопрос о «самозванстве» ставить можно, то с Гамлетом иначе.

Чтобы утверждать обратное, Вы должны бы доказать, что название «Гамлет, *принц Датский*» неверное; что переводчики, передающие обращения персонажей к Гамлету словом «принц», ошибаются; что он не принц, а самозванец и потому никаких прав и обязанностей перед государством не имеет. Можно спорить, действительно ли Клавдий публично признаёт его своим наследником (в I, 1) и в этом ли смысле надо понимать слова Розенкранца, сказанные Гамлету: «у вас есть голос самого короля, чтобы наследовать датский престол» (III, 2) — но, как минимум, персонажи пьесы признают Гамлета, если не прямым наследником нынешнего короля, то законным и ближайшим претендентом на трон в будущем, после его смерти. Лаэрт (в I, 3) даже утверждает, что Гамлет «в подданстве у своего рожденья» (т. е. его права и обязанности — прирождённые) и прямо говорит о нем как о *главе* государства: «...от выбора его [/] Зависят жизнь и здравье всей державы, [/] И в нём он связан изволением тела, [/] Которому он голова».

Теперь о Клавдии. *Допустим*, что его воцарение было *оформлено* законно, всё равно по существу он узурпатор власти. Даже не потому, что обошёл принца Гамлета (о том, подразумевается ли в пьесе прямое престолонаследие от отца к сыну или выборная монархия, спорят), а потому он узурпатор, что *цареубийца, убил короля* Гамлета (которого сам же именует возлюбленным братом, *our dear brother*). Как узурпатор и убийца он вдвойне преступник. По-Вашему, эти преступления должны остаться безнаказанными? Если нет, то кто, кроме Гамлета, их может и обязан покарать? По-Вашему, со стороны Гамлета это означало бы «отвечать злом на зло». А безнаказанность, значит, была бы добром? Весьма спорно. Я не силен в криминальной статистике и, возможно, ошибаюсь, думая, что *в жизни* убийца на одном убийстве обычно не останавливается; но я твёрдо знаю, что *в пьесах Шекспира* это так. Безнаказанность одного вообще развращает окружающих, так что она вовсе не добро. А безнравственный правитель склоняет к безнравственности подчиненных.

Вы также утверждаете, что Клавдий «был склонен к раскаянью», но это неправда, он сам себе говорит обратное: «Раскаянье? Оно так много может.

Но что оно тому, кто нераскаян?» (III, 3). Притом он только что принял решение расправиться с Гамлетом, соответствующая бумага в этот момент пишется, и он ее подпишет еще до того, как узнает о смерти Полония. Где ж тут раскаянье? А Вы говорите: «Гамлет запускает кровавый механизм». По-Вашему, Гамлет, а по тексту пьесы — Клавдий! (Строго говоря, он и в смерти Полония достаточно виновен: он ведь сознаёт, что Гамлет опасен, но спокойно подвергает риску жизнь своего клеветы, а заодно и жены, — но на справедливости этой фразы я, если Вам угодно, не буду настаивать: об *этом* можно спорить.) Если бы Вы еще говорили: не сопротивляйся злему, а то он еще хуже сделает, — я бы не согласился, но хотя бы понял. Но Ваша мысль, будто бы Гамлет сотворил ещё большее зло, чем Клавдий, явно предвзята и идёт не от чтения самой пьесы, а из желания понимать ее по произвольно выбранной аналогии с событиями, лежащими вне ее (1917 и т. д.; сравните масштабы жертв, и Вы сами увидите, что финал «Гамлета» — еще не всеобщая катастрофа).

Относительно Фортинбраса, которого Вы именуете «кровопроливцем сознательным». Посмотрите внимательно, как Вы обращаетесь с текстом. Цитируемое Вами в письме место напрямую к Фортинбрасу *не относится*. Оно выглядит так: «...Стою и сплю, взирая со стыдом, [/] Как смерть вот-вот поглотит двадцать тысяч, [/] Что ради прихоти и вздорной славы [/] Идут в могилу, как в постель...» (IV, 4). Перевод достаточно точный. Заметьте: они *сами* идут, а не из-под палки, и скорее всего ради *собственной*, а не фортинбрасовой «прихоти и вздорной славы»; это ведь не мобилизованные обыватели, а наёмники-добровольцы («Ватага беззаконных удальцов»; I, 1). В обществе всегда найдутся такие охотники драться, стрелять, резать и погибать; это объективно существует. Не Фортинбрас их «обрек» на это; он всего лишь даёт их буйству и молодечеству наименее опасный для общества в целом выход. (Наименее — потому что они сразятся на ничего не стоящем клочке земли с такими же, как они, а мирные жители, может быть, и не пострадают). Речь не о том, что их губит Фортинбрас, а о том, что они *сами это делают!* Возможно, Вы скажете, что в наёмники нередко идут и шли люди голодные, обманутые, обездоленные. Наверняка так бывало и бывает; но именно для того, чтобы мы *не об этом* думали, выше помещены в пьесе такие слова: «Вот он, гнойник довольства и покоя», т. е. *этим* людям, которых выводит Шекспир, наскучили покой и довольство, а не бедность и т. п. Опять предвижу Ваше возражение: это, мол, только слова одного из персонажей (Гамлета) и не обязательно справедливые. Что ж, если Вы убеждены, что реплики в пьесах целиком состоят из прямой речи персонажей и только, то Вы иначе и не можете думать. Но в действительности в пьесах (и, в частности, шекспировских) существует нередко очень обширный слой *авторской речи*; об этом

я много говорю в той статье, которая Вам так не понравилась, и здесь не хочу повторять. (Мысль «Об авторской речи в драме» для меня аксиома, я к ней привык еще с 1973 г., когда поместил свою статью под таким названием в самиздатовском журнале «Морибундус»; у меня его нет, экземпляр соответствующего номера есть у В. Л. Махлина. Впрочем, вряд ли я один писал на эту тему). Заметьте ещё, в пьесе не сказано, как у Пастернака: «Двух тысяч душ (...) Не жалко за какой-то сена клоч!» — как раз этого «не жалко», заставляющего читателей и зрителей думать о якобы жестокости Фортинбраса, в оригинале нет. (Вы, хоть и цитируете Лозинского, боюсь, всё-таки поддались пастернаковской трактовке). — О возможном будущем Фортинбраса я так и написал: Вы фантазируете вот так-то, а можно нафантазировать и вот этак, но и то, и другое не от Шекспира. Это не *мои выдумки* (я не выдавал их за свое мнение), а выдумки, которые при желании *можно было бы* сочинить, но не нужно. Всё это мной в прошлом письме сказано. Неужели я так невнятно выражаю свои мысли?

Я не могу говорить о Вашей книге в целом, так как прочел только пару страниц. Но в отношении Гамлета, финала этой пьесы и особенно образа Фортинбраса (Вы ведь упомянули его на этих страницах именно в связи с финалом), боюсь, Вы судите не совсем «по-достоевски». Сколько я помню по «Дневнику писателя», Достоевский не был пацифистом и даже высказывал вполне милитаристские призывы — например, о желательности завоевания Константинополя. Но не будем же мы на этом основании называть его «кровопроливцем сознательным»?

Что нас с Вами сближает — это неприязнь к самозванству. Но Вы ее распространяете на Гамлета, и в этом, по-моему, Ваша ошибка. Ну, и, может быть, в том, что критикуете статью, просмотрев ее только «по диагонали».

С уважением,
А. Баранов.

К. А. Степанян — А. Н. Баранову. 4 мая 2018 г.

Уважаемый Александр Николаевич!

Если бы пьеса Шекспира была о том, как герой-молодец Гамлет расправился с негодями и ценой собственной жизни установил порядок в Дании, — она не волновала бы людей вот уже на протяжении более четырех веков, и ей не были бы посвящены миллионы статей и монографий, инсценировок и экранизаций.

Конечно, каждый пишущий о «Гамлете» старается доказать верность своей точки зрения (а иначе зачем писать?). Но — и об этом я часто спорю с некоторыми коллегами — задача литературоведа, по-моему, заключается только в том, чтобы дать читателю свою трактовку произведения, не более, а уж читатель сам выбирает, какая из точек зрения ему представляется наиболее убедительной. Никто из нас не обладает монополией на истину. И — по крайней мере применительно к классике с ее необъятными глубинами смыслов — никто из нас не может судить, какие мнения «верные, какие — совершенно неверные, верные в одном, но ошибочные в другом» и т. п. Взять хотя бы историю с пониманием романа «Идиот»: в последние десятилетия произошло радикальное переосмысление нашего понимания образа Мышкина.

Я сравнил Гамлета с большевиками только потому, что речь зашла о вине короля (императора). Но гораздо более негативно я отношусь к тем многочисленным представителям интеллигенции, которые считали, что статус «борца с властью, за справедливость» дает право пренебрегать всеми нравственными нормами. Именно они всегда считали Гамлета героем и воспевали его в стихах и в прозе (я пишу об этом в книге). И у этих людей были тысячи поклонников.

То же с вопросом о самозванстве Гамлета. Если бы он решался однозначно, в ту или другую сторону, об этом не спорили бы множество веков. Да, Гамлет — принц. А Клавдий — король (так в списке действующих лиц, где Гамлет, кстати, принцем не назван). А почему он назван принцем в заглавии, мы в точности знать не можем.

На все Ваши возражения я мог бы ответить своими возражениями (по Вашему, слова «ради прихоти и вздорной славы» относятся не к Фортинбрасу, и вообще норвежские войска по своей воле «идут в могилу», а Фортинбрас их только сопровождает — где такое бывало в истории? напротив, возникает харизматический лидер и увлекает своих на грабеж и завоевание соседей). Но есть ли в этом смысл? Мы с Вами много лет читали Шекспира и думали над его произведениями (Вы, конечно, гораздо больше). И мы в таком возрасте, что вряд ли сумеем переубедить друг друга в понимании пьесы Шекспира. Так что продолжать нашу полемику, на мой взгляд, нецелесообразно.

Вашу статью я прочел не по диагонали (я никогда так не делаю), а очень внимательно и не раз. Но Вы ведь не претендовали на то, чтобы закрыть тему?

Авторская речь в драматургии непременно существует, но в понимании ее возможны расхождения...

Что касается Достоевского, то он соглашался принять насилие только в том случае, когда речь шла не о «прихоти и вздорной славе», а о защите от прямого насилия (турки и славяне на Балканах), или о высших интересах государства (вряд ли это применимо к Гамлету, в результате действий которого Дания перешла в подчинение норвежцам). А слова о Константинополе относятся не к призыву завоевать его, а о том, что таков должен был быть итог победоносной войны России с Турцией, но мощное противодействие Англии и Франции не дало этому произойти.

Всего Вам доброго.
Карен Степанян

А. Н. Баранов — К. А. Степаняну. 5 мая 2018 г.

Уважаемый Карен Ашотович,
вполне с Вами согласен, что мы с Вами выяснили позиции друг друга и не стоит продолжать полемику о Гамлете.

Вы будете смеяться, но я всегда писал и пишу исключительно с претензией закрыть тему, если она представляется мне ложной. Прекрасно при этом знаю, что ни одну тему закрыть невозможно, потому что процесс воспроизводства незнания и непонимания (за счет простого деторождения) всегда опережает собой процесс распространения знаний и понимания. И всё же я верю в положительное знание. Вы же, по-моему, принципиальный субъективист, хотя и не хотите в этом признаться.

Я считаю задачей литературоведа НЕ дать СВОЮ концепцию, а раскрыть авторскую. То же в отношении переводчика.

Я признаю право иноязычного поэта создать СВОЮ версию текста, со своей версией смысла — но исключительно при условии, что это будет талантливо, и с той оговоркой, что для меня это будет НЕ перевод, а именно новая ВЕРСИЯ сюжета.

Таково же, по-моему, право критика (но не литературоведа — это, по-моему, очень разные вещи).

У режиссёров и актеров, возможно, это даже не право, а обязанность, потому что театр не музей, он должен жить сегодняшней жизнью (а тут вступает в действие парадокс, замечательно показанный Борхесом в сочинении «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”»); но если театральная трактовка сведется к банальности, вроде того, что всегда были и будут убийцы и самозванцы, и Гамлет — тоже из их числа, и потому не надо в жизни «рыпаться» — мне такой спектакль не будет интересен. К тому же такие трактовки как раз на руку всяческим узурпаторам и самозванцам; недаром же при Сталине не очень-то ставили «героического» «Гамлета» (ну, а Гамлет-нытик или философ тем более был не ко времени.) Но всё это — мои личные убеждения, и Вы не обязаны с ними соглашаться.

Но одно УТОЧНЕНИЕ всё-таки примите к сведению:

ни в одном издании 17 века не существовало списков действующих лиц в шекспировских пьесах. Все эти списки составлены более поздними издателями. Название же «Гамлета» со словом prince существовало еще при жизни Шекспира во всех изданиях пьесы и в посмертном тоже. При этом слово prince в языке Шекспира встречается не только в значении «принц», но и в значении «государь» (глава государства).

С уважением,

А. Баранов.